

— Туфли... надеты задом наперед...

...

...

...

— Прости, я не смог сдержаться... ха-ха-ха-ха-ха хи-хи-хи.

Они подошли к столу.

Тан Цзиньюй был крайне смущен. Тан Му сиял от смеха.

Тан Цзиньюй молчал, краснея. Тан Му продолжал смеяться.

Тан Цзиньюй вздохнул с облегчением. Тан Му все еще смеялся.

— Муэр... хватит смеяться, — Тан Цзиньюй был в отчаянии.

— Пфф... я, ха-ха, не могу, ха-ха...

Тан Цзиньюй, глядя на смеющегося Тан Му, не смог сдержаться и сам засмеялся, вспоминая неловкую ситуацию.

Оба смеялись некоторое время, пока Тан Цзиньюй не остановился первым.

— Ладно, ладно, давай поедим, — он открыл коробку с едой и достал оттуда легкий ужин — рисовую кашу и закуски.

— Что это?

— Ужин.

— И это ты принес мне в качестве извинения?!

— Чтобы успокоить нервы, — в глазах Тан Цзиньюя читалась улыбка.

Тан Му, глядя на него, не смог сдержаться и засмеялся.

— Ты всегда находишь оправдания. Ну-ка, налей мне тарелку.

— Слушаюсь, господин Тан. Ты больше не сердишься? — Тан Цзиньюй, наливая кашу, улыбнулся, и на его щеках появились ямочки.

Тан Му ткнул его в щеку.

— Да, уже успокоился... на самом деле... я не очень на тебя злился.

— А на кого же? — Тан Цзиньюй аккуратно разложил закуски на каше.

— ...Эй? Где ты научился так ухаживать за людьми? — Тан Му сменил тему.

— ...Иногда видел, как Юаньбао это делает, и подумал, что могу сделать то же самое для тебя, — Тан Цзиньюй понял, что Тан Му не хочет отвечать, но он догадывался, что Тан Му злился на

самого себя.

— А надевать обувь ты тоже у Юаньбао научился? — Тан Му подшутил над ним.

— Ты никогда не упустишь возможности подколоть, — Тан Цзиньюй улыбнулся с нежностью и предложил Тан Му поесть.

Тан Му послушно начал есть.

Он действительно злился на себя. Он знал, что женитьба наследника престола — это лишь вопрос времени, но не мог сдержать раздражения. Он придирался к кандидаткам, но на самом деле это было его собственное чувство неполноценности. Он мог только отрицать других или капризничать, чтобы Тан Цзиньюй утешал его, ища подтверждения своего существования.

Он всегда считал, что так поступают только трусы и жалкие люди, но теперь сам делал это, и не мог остановиться.

Когда Тан Цзиньюй надевал на него обувь, его сердце бешено колотилось. В тот момент он понял, что навсегда попал в сети этого юноши. Поэтому он злился на себя за свою слабость, за свое бессилие. Но это раздражение быстро исчезло под теплотой Тан Цзиньюя.

Тан Цзиньюй никогда никого не обслуживал, единственный, о ком он заботился, был Тан Му. Но надевать обувь — это было то, что наследник престола никогда не должен был делать.

Но Тан Цзиньюй не мог удержаться. Он хотел поставить Тан Му на первое место в своем сердце, даже избаловать его, чтобы тот мог зависеть только от него. Надевая обувь на Тан Му, он чувствовал невероятное счастье и удовлетворение. Это чувство — лелеять любимого человека — было прекрасно.

Тан Цзиньюй даже подумал, что если однажды Тан Му будет сидеть перед ним, он, не задумываясь, опустится на колени и поцелует его ногу, чтобы выразить свою любовь и заботу.

Не ради достоинства, а ради любви.

Тан Му сейчас мучился, и Тан Цзиньюй знал причину. Он был готов сделать что угодно, чтобы развеселить его, даже публично заявить, что не женится. Но он знал, что Тан Му не хотел и не стал бы обузой на его пути. Если бы он так поступил, первым, кто бы возразил, был бы сам Тан Му.

Чувства Тан Му были противоречивыми, разум и эмоции боролись внутри него. И он сам был таким же.

— Муэр... ты согласен провести со мной эту жизнь? — Тан Цзиньюй внезапно серьезно спросил.

— Э-э? Ты... что это вдруг... — Тан Му был ошеломлен.

— Муэр, ты согласен провести со мной эту жизнь? Жить вместе и умереть вместе.

— ...Это... — Что это было? Признание?! Этот юноша вдруг признался ему!

— Муэр, я знаю, что тебя беспокоит, я знаю, что тебе тяжело. То, что я не могу дать тебе сейчас, я обязательно восполню в будущем. Поверь мне. Я, Тан Цзиньюй, отдаю тебе свое сердце и жизнь на всю эту жизнь.

— Я... я верю тебе... я, ну... я тоже.

Неожиданное признание застало Тан Му врасплох.

Тан Му подумал. Черт, этот юноша опередил меня с признанием! Почему он такой сентиментальный? Ни цветов, ни романтической обстановки, только тарелка каши... и все же...

Его сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Тан Му покраснел до корней волос, не смея смотреть на Тан Цзиньюя, и молча перебирал край тарелки, но внутри у него бушевали эмоции.

Тан Цзиньюй мягко взял руку Тан Му и прижал ее к своей щеке.

— Муэр, посмотри на меня.

— ... — Тан Му опустил голову еще ниже. Он чувствовал себя полным неудачником! Он был старше этого юноши! У него был опыт! А он вел себя как подросток, впервые влюбившийся!

— Муэр, — в голосе Тан Цзиньюя звучала улыбка. Он повернулся и поцеловал ладонь Тан Му.
— В этой жизни мое сердце принадлежит только тебе, и что бы ни случилось, это никогда не изменится.

Тан Му, словно обожженный, попытался вырвать руку. Но Тан Цзиньюй, предвидя это, крепко держал ее.

Тан Му, не имея выбора, поднял глаза на него.

Взгляд Тан Цзиньюя был полон нежности, уголки губ слегка приподняты, одна рука держала руку Тан Му, ласково прижимая ее к своей щеке. Он смотрел на Тан Му, словно хотел продлить этот момент на всю жизнь.

Тан Му встретился с его взглядом, смущенный, но не мог отвести глаз. В его сердце вдруг стало светлее.

Ведь он давно решил, что этот человек — его судьба. Человек так жаден, раньше он думал, что будет доволен, если станет хорошим советником или генералом, а теперь не мог допустить, чтобы рядом с ним был кто-то другой. В сердце и глазах Тан Цзиньюя был только он. Зачем же он так капризничал? Разве он стал какой-то хрупкой героиней романа?

Он был мужчиной, настоящим мужчиной, который должен был пройти через все трудности вместе с ним! Не какой-то Мари Су, нуждающейся в защите! Такое поведение было недостойно. Все их усилия были направлены на достижение конечной цели. Когда цель будет достигнута, Тан Му готов был пожертвовать всем, потому что знал, что Тан Цзиньюй — его спасение.

К тому же, когда цель будет достигнута, разве не будет достаточно одного слова Тан Цзиньюя, чтобы распустить гарем? Зачем же он так мучил себя? Лучше бы он тратил энергию на борьбу с императором.

Тан Му, глядя на Тан Цзиньюя, понял это и почувствовал облегчение.

Он сжал щеку Тан Цзиньюя рукой, которую тот держал.

— Ладно, ладно, хватит сентиментальностей... если ты действительно искренен, улыбнись для меня.

Тан Цзиньюй, видя, что Тан Му успокоился и больше не злился на себя, расслабился. Его слова были и обещанием, и утешением. Он знал, что Муэр сильный.

Муэр, все страдания, которые ты перенес ради меня, я возьму тебе за всю жизнь.

Тан Цзиньюй улыбнулся, и на его щеках появились ямочки, которые так нравились Тан Му.

После этого дня Тан Му, казалось, успокоился.

Но на следующий день, когда он увидел, как Ин-эр, мелкими шажками, в сопровождении служанки, несшей чайник, направляется к Тан Цзиньюю, он снова разозлился!

Тан Цзиньюй обещал пойти с Тан Му покататься на лошадях, но внезапно появилась Ин-эр с чаем для укрепления здоровья, а также с тайным посланием от его матери, императрицы.

— Ин-эр, что привело тебя сюда? Садись, — сказал Тан Цзиньюй.

Ин-эр вежливо поклонилась и села рядом с наследником.

— Я слышала, что в последние дни вы много работали, и беспокоилась о вашем здоровье. Я приготовила чай для успокоения духа, пожалуйста, попробуйте.

— Ты всегда так заботлива... но...

— Что случилось, ваше высочество?

— Цзюань-эр тоже прислала чай, я уже пил, — намекая, что сегодня он будет ужинать с Цзюань-эр.

— О, Цзюань-эр такая внимательная, она опередила меня, — Ин-эр улыбнулась наследнику.

<http://bllate.org/book/16654/1526048>